

**ХРОНОТОП
АНТИУТОПИЧЕСКОГО ГОРОДА:
ЭНТРОПИЯ МЫСЛИ,
СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
И ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ**

**CHRONOTOPE OF A DYSTOPIAN
CITY: ENTROPY OF THOUGHT,
SOCIAL ACTIVITY
AND HISTORICAL TIME**

И. В. Ковтуненко *

ORCID: 0000-0002-9559-6227

И. А. Кудряшов*

ORCID: 0000-0001-5449-864X

Ю. С. Соболева**

Inna V. Kovtunenکو *

Igor A. Kudryashov *

Yuliya S. Soboleva **

* Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

** Муниципальное автономное учреждение
культуры Ростовский-на-Дону зоопарк
Ростов-на-Дону, Россия

* Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

** Municipal autonomous cultural institution
Rostov-on-Don Zoo,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – доказать, что в прототипических текстах, созданных в жанре антиутопии, городской хронотоп является конструктивным механизмом экспликации авторских гиперболизированных представлений о бытийных (интеллектуальная и физическая деятельность) и гносеологических (пространственно-временной континуум) категориях социально-политического устройства современного общества.

Методологическая база исследования. В публикации детализуются идеи о междисциплинарной взаимосвязи жанра антиутопии и социологии в изучении художественных концепций о перспективах развития современного мироустройства. Прототипические антиутопии анализируются в терминах теории социологического воображения (Seeger,

Objective of the study is to prove that in prototypical texts created in the genre of dystopia, the urban chronotope is a constructive mechanism for explicating the author's hyperbolized ideas about the existential (intellectual and physical activity) and epistemological (space-time continuum) categories of the socio-political structure of modern society.

The methodological basis of the research. The publication details ideas about the interdisciplinary relationship between the genre of dystopia and sociology in the study of artistic concepts about the prospects for the development of the modern world order. Proto-political dystopias are analyzed in terms of the theory of sociological imagination (Seeger, Davison-Vacchione,

© Ковтуненко И. В., 2023

© Кудряшов И. А., 2023

© Соболева Ю. С., 2023

Davison-Vacchione, 2019), социологических форматов воспроизведения воображаемой реальности в художественном тексте (археологии, онтологии и архитектуры) (Levitas, 2013). Изучение антиутопической городской повседневности основывается на концепции хронотопа М. М. Бахтина (Бахтин, 1975), постулатах герменевтической и философско-филологической компаративистики (сравнения воображаемых миров Е. И. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла с моделью пессимистического исхода человечества Г. Уэллса). В данном исследовании также подчеркивается конструктивная важность центральной метафоры энтропии, сформулированной Е. И. Замятиным в эссе «О литературе, революции, энтропии и других вопросах» (1923), где она означает интеллектуальный застой догматизма. «Энергия» – это обновление мышления путем разрушения политических, идеологических и эпистемологических догм; «энтропия» – это консервативная сила, которая останавливает перемены и укрепляет догму (Замятин, 2023. С. 205–206).

Результаты исследования. Антиутопические городские хронотопы предстают в романах Е. И. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла маркером освещения истории человечества. Топография города имплицитно подразумевает результаты субъективного восприятия категории времени персонажами. В связи с этим «открытый» хронотоп фиксирует разнообразные уровни временного опыта персонажей. Причем это разнообразие может впоследствии усложняться, включая в себя новые результаты восприятия исторического времени в терминах первых шагов к революционной мысли или действию.

Перспективы исследования. Перспективными предстают последующие социологические детализации оппозиции антиутопии ценностям и идеалам утопического стиля мышления. Антиутопические тексты воспроизводят:

2019), sociological formats for reproducing imaginary reality in a literary text (archaeology, ontology and architecture) (Levitas, 2013). The study of dystopian urban everyday life is based on the concept of M. M. chronotope. Bakhtin (Bakhtin, 1975), postulates of hermeneutical and philosophical-philological comparative studies (comparisons of imaginary worlds by E. I. Zamyatin, O. Huxley and J. Orwell's model of the pessimistic outcome of humanity by G. Wells). In this study, we also emphasize the constructive importance of the central metaphor of entropy formulated by E. I. Zamyatin in the essay "On Literature, Revolution, Entropy and Other Issues" (1923), where it means the intellectual stagnation of dogmatism. "Energy" is the renewal of thinking through the destruction of political, ideological and epistemological dogmas; "entropy" is a conservative force that stops changes and strengthens dogma (Zamyatin, 2023. P. 205-206).

Research results. Dystopian urban chronotopes appear in the novels of E. I. Zamyatin, O. Huxley and J. Orwell's marker for the coverage of the history of mankind. The topography of the city implies the results of the subjective perception of the category of time by the characters. In this regard, the "open" chronotope captures various levels of the characters' time experience. Moreover, this diversity may subsequently become more complicated, including new results of the perception of historical time in terms of the first steps towards revolutionary thought or action.

Prospects of the study. The subsequent sociological details of the opposition of dystopia to the values and ideals of the utopian style of thinking appear promising. Dystopian texts reproduce:
1. "entropic" and therefore destructive consequences of the influence exerted by emerging

1) «энтропийные», а поэтому разрушительные последствия того влияния, которое оказывают нарождающиеся социальные системы, уменьшающие интеллектуальную многомерность (ср. представления Г. Маркузе об «одномерном человеке» (Маркузе, 2003));

2) потенциал отдельной личности и всего человечества.

Исследуя подобные тексты, социолог фокусируется на негативных аспектах властного всеобщего контроля, приводящего к социальным «достижениям», способствующим манипулятивному усилению стандартизации и единообразию социума. Актуальной проблемой предстает изучение сферы авторских антиутопических размышлений, в качестве которой выступает, в частности, хронотоп современного политического ландшафта, предопределяющего идеологическую обработку общества и культуры.

Ключевые слова: антиутопический воображаемый мир, городская повседневность, социологическое воображение, хронотоп, революционная темпоральность, энтропия

social systems that reduce intellectual multidimensionality (cf. G. Marcuse's ideas about "one-dimensional man" (Marcuse, 2003));

2. the potential of the individual and of all mankind.

While researching such texts, the sociologist focuses on the negative aspects of imperious universal control, leading to social "achievements" that contribute to the manipulative strengthening of standardization and uniformity of society. An urgent problem is the study of the sphere of author's dystopian reflections, which is, in particular, the chronotope of the modern political landscape, which determines the ideological processing of society and culture.

Keywords: dystopian imaginary world, urban everyday life, sociological imagination, chronotope, revolutionary temporality, entropy

Введение

В силу схожести с иными литературными жанрами и нестабильности семантического содержания понятие антиутопии не поддается однозначному определению (Долгих, 2017. С. 25; Таганов, Шишкина, 2015. С. 63). Утопия сравнивается с антиутопией, раскрывается связь между этими двумя жанрами: писатели-утописты воспроизводят позитивную версию социума будущего, в антиутопии авторы фиксируют читательское внимание на зеркально противоположной мыслимой реальности, изображая негативные следствия текущей социально-политической и культурной событийности. Вместе с тем антиутопия «разворачивается» из утопии, основывается на априорном неверии в позитивные тенденции развития социума, а ее цель – неявно, но саркастически высмеять утопию. В связи с этим часто утверждается, что термин «антиутопия» применяется только к произведениям, направленным против утопической мысли (Шишкина, 2007. С. 205).

Антиутопия – это футурологическая потенциальная проекция современного общества, воссоздаваемая в пессимистическом или негативном ключе, поскольку стабильная тенденция к унификации, трактуемая в качестве ос-

новы единства и целостности социального бытия, нейтрализует всякое проявление индивидуальности отдельно взятой личности (Тузовский, 2009). В результате в антиутопическом социуме поддерживается необходимость применения силы для тотальной «подгонки» индивидов под единый идеологический знаменатель: под гнетом гносеологических установок формально целостного сообщества субъективные воззрения заурядного человека приобретают недопустимый иллюзорный формат.

Однако в глубинах души критически мыслящей личности остается пространство для не слишком очевидной надежды на радикальные преобразования окружающего мира. Создание идеального общества – иллюзорная мечта человечества, не исключающая отказа от попыток его улучшения со стороны личностей, вошедших в анналы мирового исторического процесса. История воспроизводится как вызов-предостережение неординарной личности по отношению к сущностным недостаткам социально-политической системы (Абраменко, Евсюкова, 2022. С. 37; Самылов, 2012. С. 159). Проблемски надежды формируют сюжетную канву антиутопического повествования. Читатель воспринимает эти проблески, эксплицируя смысловое содержание тех фрагментов текста, в которых главный герой соприкасается с жесткими ограничениями, налагаемыми социальной системой на свободу индивида. Человеческая история играет конструктивную роль в определении жанра антиутопии, поскольку он основан на образах прошлого или текущей ситуации в объективном мире.

Главная миссия героя антиутопии – бросить вызов тоталитарной системе, обнажить ее внутреннюю гнетущую сущность. Антиутопическое воображение вскрывает пророчества писателей, поднимающих политико-этическую и философскую проблематику, предупреждающих читателя об устрашающих тенденциях развития социума, которые неотвратимо трансформируют текущую действительность в «железную клетку», «царство изнанки утопии».

Методологическая база исследования (теоретические основы)

Подобно антиутопии, социология связана с методологией спекулятивного построения объективной действительности, намерением добиться позитивных изменений в окружающем мире. С. Сигер и Д. Дэвисон-Веччионе полагают, что «конструирование и анализ социальных миров, которые “могли бы быть”, само по себе является потенциальным механизмом социологического воображения» (Seeger, Davison-Vacchione, 2019. P. 6). Эти исследователи трактуют антиутопию «как экстраполяцию эмпирических наблюдений за текущими условиями жизнедеятельности, которые оптимально согласуются с целями социологии» (Seeger, Davison-Vacchione, 2019. P. 17). Делается вывод о том, что «переход от антиутопических спекуляций к прямому социально маркированному комментированию обеспечивает конструктивную осно-

ву для возможных всесторонних преобразований реального мира» (Seeger, Davison-Vacchione, 2019. P. 19).

Р. Левитас полагает, что антиутопия – это творческий процесс воспроизведения вымышленной реальности, включающий в себя такие три социологических формата, как:

1) археологический подход, предполагающий критическое исследование «моделей полноценного общества, которые лежат в основе политики и культуры»;

2) онтологический подход, основывающийся на размышлениях о том, в чем заключается феномен человека как биологического вида, в какой среде индивид стремится обитать;

3) архитектурный подход, прослеживающий специфику авторского проектирования вымышленных миров, которые поддерживаются элементами научной фантастики (Levitas, 2013. P. 154, 177, 197).

Проектируя антиутопические миры, авторы ставят симптоматический диагноз тем проблемам, которые являются актуальными для современного социума (археология), делают гипотетические предположения относительно того, в каком обществе индивиды хотят жить (онтология), воссоздают воображаемый социум, чтобы вдохновить читателя на настоятельные потребности реализовать позитивные перемены в повседневности (архитектура).

Важность антиутопической художественной литературы для социологического анализа предопределяется также тем, что это жанр политического анализа реальности, стимулирующий читателя к критическому мышлению и социальной активности. В попытке добиться социальных и культурных перемен авторы антиутопий склонны комментировать острые проблемы повседневности (ср. романы Е. И. Замятина, Дж. Оруэлла, О. Хаксли, М. Этвуд).

Главные герои антиутопий критически размышляют о своем мире (археология), в их формате восприятия текущая событийность оказывает негативное влияние на них и других персонажей (онтология). Одновременно герои мечтают о реальности, которая «лучше», чем текущая объективность (архитектура).

Читатель антиутопии аналогичным образом критикует воображаемую антиутопическую реальность (археология), размышляют о том, как автор комментирует проблемы реального мира, которые противоречат их взглядам (онтология). Когда читатель проявляет активность, вдохновленную антиутопиями, они вносят свой мыслимый вклад в радикальную перестройку своего общества (архитектуры).

Антиутопия важна для доказательства социологических теорем не только из-за тематического содержания, но и в силу формальных свойств как литературного жанра. Опираясь на аргумент Ч. Райта Милла о том, что социологическое изображение отражает биографию и историю – или индивида

и общество – как взаимосвязанные феномены (Right Will, 1999), С. Сигер и Д. Дэвисон-Веккионе выдвигают мнение, согласно которому «литературные условности антиутопии с большей готовностью иллюстрируют взаимозависимость между внутренней жизнью индивида и целостностью социально-исторической реальности» (Seeger, Davison-Vacchione, 2019. P. 6).

Данная корреляция предопределяется тем, что главный герой антиутопической литературы «рационально осознает, как социальные и исторические события формируют его жизнь» (Seeger, Davison-Vacchione, 2019. P. 7). Критическое восприятие текстов, созданных в жанре антиутопии, обеспечивает исследователей возможностью диагностировать текущие социологические проблемы и потенциальные последствия актуальных тенденций в обществе, выработать идеи о том, как добиться позитивных изменений в повседневной реальности. Отражение антиутопической реальности в художественном тексте направлено на мобилизацию социума и ресурсов для борьбы с ней.

Антиутопический нарратив фиксирует такие формы социально-политической организации общества, которые блокируют поступательное движение исторических изменений и порождают фрагментацию сознания персонажей об историческом времени, их ощущения о коллективном историческом движении распадаются на изолированные, «частные» формы субъективного восприятия времени. Феномен этой фрагментации в формате художественной литературы обсуждается М. М. Бахтиным при исследовании хронотопа, определяемом как «внутренняя связанность временных и пространственных отношений, которые художественно выражены в литературе» (Бахтин, 1975. С. 304).

Хронотоп – это сфера вымышленного пространства, топология которого неразрывно связана с преобладающим порядком времени. В рамках нашей публикации мы проследим, как хронотоп антиутопического города воспроизводит в пространстве процессы блокирования восприятия исторического времени, которое, в свою очередь, предлагает возможности для его контекстуальной реконструкции. Преобладающий образ будущего, воссоздаваемый современным социумом, является антиутопическим по своей сути. Этот постулат проливает свет на специфику антиутопии как литературного жанра.

Результаты

На текущем историческом этапе, который часто именуется «новым мировым порядком», индивид испытывает искушение поверить в «конец истории». Такое убеждение является примером того, что Е. И. Замятин назвал «энтропией мысли» (Замятин, 2023. С. 205). Антиутопия – формат художественного повествования, позволяющий противостоять этому искушению: антиутопический сюжет – это своего рода борьба за историческое движение в диаметральной направленности от статичного состояния, что подчеркивает приоритет исторического сознания в эпоху индивидуализма.

Подобные структуры также восходят к роману Г. Уэллса «Машина времени» (Уэллс, 2018а), который является базовой моделью для последующего структурирования научной фантастики как отдельного жанра. Модель романа отражает последовательность эпизодов «естественной истории», которая начинается в Викторианской Англии и заканчивается исчезновением всей жизни на Земле.

Антиутопия переносит эту парадигму в контекст политического дискурса, постулирует социально-политический регресс, который согласуется с понятием «энтропии мысли». В классической антиутопии парадигма Г. Уэллса «заполняется» социально-историческими переменными величинами (ср. роман «Мы» Е. И. Замятина). В современных антиутопиях наблюдается отход от парадигмы Г. Уэллса: пессимистичный исход человечества противопоставляется потенциалу революционной энергии, «перезапуску» истории, в той или иной степени предполагающему оптимистичные перспективы развития цивилизации (ср. трилогию С. Коллинз «Голодные игры»).

Обсуждение

Роман Г. Уэллса «Машина времени» (1895) можно охарактеризовать как первую антиутопию современной механической и научной эпохи. В этом тексте автор не отводит истории городского окружения существенной роли, фокусируя читательское внимание на классовых конфликтах как определяющему фактору будущего человеческой цивилизации. В футурологическом плане Г. Уэллс противопоставляет высший социальный класс (изнеженных эллов) низшему классу трудящихся, вследствие своей эволюции обитающему в подземной тьме (звероподобным морлокам). Проблема классовых конфликтов снова поднимается автором в романе «Когда спящий проснется» (1899). Сюжетная канва романного повествования, которая лишена идеологической остроты, разворачивается на фоне антиутопического Лондона: высший класс контролирует гигантские здания и воздушные трассы, пролетарии Лейбористской компании работают под землей (Уэллс, 2018б).

Еще одна важная модель города-антиутопии выявляется в романе Дж. Лондона «Железная пята» (1907), в котором содержится эксплицитный идеологический подтекст: в современных американских городах вспыхивает конфликт между рабочими-социалистами и титулованной «железной пятой» (Лондон, 2018). Образы этих городов воспроизводятся в мрачных оттенках, противопоставляются великолепным городам, построенным пролетариатом утопического будущего Братства людей.

В романе Е. И. Замятина «Мы» повседневность антиутопического города подчинена жестко ограниченной математической системе и образам: у персонажей есть числа, а не имена, главный герой идентифицирует черты лица других индивидов по аналогии с геометрическими или алгебраическими фор-

мулами: «... в глазах или бровях – какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему цифровое выражение» (Замятин, 2022. С. 8). Величайшим достижением Единого Государства является ракетный корабль «Интеграл». В математических терминах автор выражает оба принципа энтропии и энергии: революции оказываются такими же «бесконечными», как и числа (Замятин, 2022. С. 113). Математическая символика – это нечто большее, чем элементарный набор стереотипных представлений о «холодной рациональности». Антиутопия проблематизирует жесткую математическую модель Единого Государства с квадратным корнем из минус единицы, которая принадлежит системе мнимых чисел.

В Едином Государстве преобладает однозначная трактовка математики: по мере подавления восстания соотечественник Д-503 вычисляет, что вселенная конечна – «бесконечности нет» (Замятин, 2022. С. 199). Энтропийный порядок формирует замкнутый универсум с фиксированным числом возможностей поведения для заурядных представителей социума. Подобный порядок не предполагает иррациональной непредсказуемости политической событийности и сложность межличностных взаимоотношений, с которыми время от времени сталкивается Д-503.

Устранение политики из общественной повседневности предопределяет «конец истории» (Фукуяма, 2015), «разрушение идиллии» (Бахтин, 1975). Двухсотлетняя война между городом и деревней закончилась поражением «крестьян» от города (Замятин, 2022. С. 21–22). Время становится сезонным феноменом, воспринимается коллективно, вытесняется «великим, но абстрактным миром» (Бахтин, 1975). Мы как социальная общность поглощается Единым Государством, движение истории замещается регулированием хронологическими таблицами. Для Д-503, ведущего повествование от первого лица, «история» закончилась, трансформировалась в причудливое напоминание о «примитивных» и «волосатуруких» предках. Его рецепция исторического времени подменяется двумя конфликтующими модусами: регламентированным и однообразным расписанием повседневной жизнедеятельности и тем, что М. М. Бахтин называет восприятием «частного и изолированного человека», утратившим «единство и целостность» (Бахтин, 1975). Герой испытывает «примитивные» эмоции, предопределяемые исходно деструктивной системой отсчета.

Конфликтующие модусы восприятия исторического времени главного героя находят системное проявление как в творческой деятельности (Д-503 ведет тайный дневник), так и в интимной связи с «искоса усмехающейся» I-330. Творчество для главного героя, начинающееся как подтверждение служения Государству, впоследствии оказывается записями текущих впечатлений, которые фиксируют все усиливающееся негативное эмоционально-волевое состояние адресанта, формой отражения энтропийного *мы*. Его физиологи-

ческая активность аналогичным образом переходит от санкционированного поведения регулируемого полового акта к «примитивной» эмоции похоти, совокуплению в нарушение регламентирующего расписания. Усиливающиеся сексуальные желания Д-503 устойчиво ассоциируются с тематикой бунта, столь характерной для классических антиутопий. В сознании главного героя категория времени концептуализуется как деструктивный феномен, поскольку точкой хронометрического отсчета для него оказываются встречи с I-330, а не расписание, жестко регламентирующее жизнедеятельность представителей социума. Подавление страсти и творчества Единым Государством, осуществляемое посредством отказа от неприкосновенности частной жизни, вынуждает Д-503 преобразовывать свое «частное» восприятие времени в энергию бунта.

Конфликт между энергией и энтропией системно прослеживается в диаметральной полярности между хронотопами городской среды и дикой природы, которые разделены «Зеленой Стеной». Конфликтующие хронотопы выступают средством детализации противоречий, тлеющих в сознании Д-503, между темпоральным застоём регламентированного образа жизни городской повседневности и образами прошлого, воплощенными в «атавистических» чертах Единого Государства. Прозрачные монументальные здания города, служащие, в том числе, символизируют энтропию, состояние, при котором больше ничего не происходит. Застойное, нединамичное время сохраняется и за Зеленой Стеной. Его симптомом оказывается «желтая медовая пыль каких-то цветов», переносимая ветром через Стену, которая «мешает логической мыслить» (Замятин, 2022. С. 5).

Точкой перехода между двумя хронотопами выступает Древний Дом, который представляет собой историческую реликвию, застывшую во времени благодаря корпусу из энтропийного стекла. В Доме обнаруживаются элементы как древнего циклического времени (например, фигура Матери-Земли в образе старухи-привратницы), так и деструктивного «частного» времени (в частности, интимная связь между Д-503 и I-303). Дом, экспозиция догосударственных нелепостей и тайный выход в дикую местность за Стеной, бессознательно воспринимается главным героем как ключ к истории. Используя этот ключ, он переходит от хронотопа, в котором технология обеспечивает застой, к хронотопу, в котором время циклично в дотехнологическом смысле и воспринимается коллективно, в манере, подрывающей Единое Государство. В результате Д-503 отождествляет свою личность с иррациональным началом.

Обитатели дикой местности – это «остатки» побежденного крестьянства, отказавшегося мигрировать в город, которые противопоставляют историческому застою Единого Государства версию классового конфликта между городом и деревней в далеком будущем. Пролом в стене мог бы позволить

им восстановить историю. Но исход восстания остается неясным. Город был изолирован «прочной оградой из электрических волн» (Замятин, 2022. С. 114). Зеленая Стена более не является прочной. Д-503, вместо того чтобы научиться интегрировать «иррациональность» в свое мировоззрение, лишается воображения в результате Великой операции, предал I-330 и ее товарищей. Роман заканчивается неопределенностью: в то время как спасение для Д-503 более невозможно, стеклянный барьер города разрушается, не оставляя сомнений в том, что альтернативные – исторические – формы темпоральности все же существуют, что является поводом для читательской оптимистической надежды в благоприятный исход антиутопической событийности.

Роман О. Хаксли «О дивный новый мир» (1931) в некотором смысле является полной противоположностью «Мы» Е. И. Замятина. Эта антиутопия основана на контроле над личностью через физическое удовольствие, а не через моральную или физическую боль или угрозу наказания (Хаксли, 2023). В романе Е. И. Замятина Единое Государство ограничивает сексуальную активность индивидов, запрещает вещества, вызывающие эйфорию и седативный эффект. Мировое Государство, воспроизводимое в романе О. Хаксли, задействует оба этих удовольствия для обеспечения жесткого регулирования поведения людей.

Энтропийный порядок, установленный в воображаемом мире дивно-го нового мира, – это капиталистическая гегемония, построенная на радикальном регулировании генетики, которая блокирует поступательное историческое развитие. Генетические манипуляции позволяют лишь немногим представителям высшего класса еретические мысли. Гедонизм потребления нейтрализует энергию. Установленный новый мировой порядок фактически прославляет девиз своего иронизирующего мессии Генри Форда: «История – это сплошная чушь» (Хаксли, 2023. С. 34). Как и в представлениях главного героя «Мы», исторический процесс дивно-го нового мира – это причудливая история о «примитивном» прошлом. С одной стороны, стало неприличным упоминать прошлое; с другой стороны, имена гигантов прошлого теперь обыденны. Весь мир находится под тотальным контролем, социальная активность людей сдерживается благодаря генетической детерминации. Вследствие этого Мировое Государство достигает закрытости.

Как и в романе Е. И. Замятина, пустота, возникающая из-за отсутствия восприятия исторической хронометрии, заполняется фрагментированным «частным», личностным временем. В неприкосновенности частной жизни снова отказывают, хотя скорее вследствие социального давления презрения, чем последующего физического насилия. Однако «уничтожение» себя, которого требует «социальное тело», – это блаженство оргазма, а не аскетизм разума. В результате, хотя личная жизнь является табу, навязывается восприятие времени, основанное на испорченной индивидуальности – желаниях

эго. «Расписание», которым руководствуются персонажи романа, является регламентацией свободного времени. Парадокс конформизма через личное удовольствие порождает «инфантильную норму поведения» (Хаксли, 2023. С. 117): сосредоточенность на эгоистических желаниях мешает индивиду функционировать в качестве мыслящего взрослого субъекта.

Вынужденный эгоизм подавляет способность индивида воздействовать на материальную вселенную. Изобретательным новшеством для поднятия настроения и подавления беспорядков является наркотическое средство под названием сома. Это средство, употребляемое в больших количествах, обеспечивает отдых от неприятностей повседневной жизни, как и субъективное восприятие времени: восемнадцатичасовой сон может казаться вечностью. Пробуждение от соматического «путешествия» описывается рассказчиком как возвращение «во времени» (Хаксли, 2022. С. 39) или к «страданиям пространства и времени» (Хаксли, 2022. С. 216). В данном случае представления М. М. Бахтина о «частном» восприятии времени воплощаются в более радикальном свете: разум индивида отделен от повседневной реальности, которая могла бы стать стимулом к осознанию истории.

Хронотопы романа противопоставляют сегментированное личное время, воплощенное в городе, аграрному коллективному, циклическому времени, появляющемуся в Дикой резервации. Контраст между Лондоном и Резервацией во многом напоминает противопоставление между городом и дикой природой из романа Е. И. Замятина. Однако в романе «О дивный новый мир» в Резервации отрицается какой-либо революционный потенциал. Границы Резервации жестко контролируются Мировым Государством. В то время как Д-503 из романа «Мы» смог найти в социальной пустыне хронотопическое воплощение своих собственных «атавистических» наклонностей, главный еретик романа «О дивный новый мир», Бернард Маркс, остается отчужденным от Резервации, неспособным найти в ней революционное пространство.

Демонстрируя контраст между количественным и качественным временем, резервация имплицитно критикует анализ города. Это противопоставление относится к европейской капиталистической структуре чувств, возникающей в результате рационализации времени, возникающей с индустриализацией. Промышленная буржуазия количественно оценивает время, ограничивая его восприятие и измерение требованиями экономической деятельности. Буржуазное понимание времени оптимально выражено в поговорке «время – деньги» (Моретти, 2014). Подобное понимание объясняется подчинением потребительной стоимости меновой, которое является универсалией для капитализма. Время становится товаром, который следует рассматривать в связи с мотивом получения прибыли. У М. М. Бахтина критика количественного определения времени легко преобразуется в ностальгию по доиндустриальной жизни. Критика О. Хаксли, склонная к ностальгии, прини-

мает форму сатиры: «Во всех четырех тысячах зал и комнат Центра четыре тысячи электрических часов одновременно пробили четыре» (Хаксли, 2023. С. 179). Роман начинается с монолитного образа этого здания, субхронотопа Лондона, иллюстрирующего конкретизацию городом рационализированного, внеисторического времени.

Городской и аграрный хронотопы О. Хаксли никогда не пересекаются. Необычность Дикаря как живой реликвии вскоре приводит к его прямому неприятию представителями социума. Что касается Бернарда и Гельмгольца, то Мировое Государство нейтрализует их революционный потенциал, высылая на отдаленные острова. Такое сдерживание энергии возможно с точки зрения Британской империи, где у государства есть свободные острова. Но самоубийство Дикаря является мрачным напоминанием о том, что не все формы инакомыслия могут быть усмирены. Дивный новый мир, в конце концов, разделяется глубоко пессимистичной сущностью. Энтропия потребительского капитализма, подрывающая волю индивида к бунту через гедонизм, возможно, более опасна, чем энтропия откровенного деспотизма.

Роман Дж. Оруэлла «1984» (1948) переключается с сюжетом «Мы», добавляет к нему еще больший пессимизм, выраженный через мрачную иронию (Оруэлл, 2022). Энтропийный порядок романа объясняется в книге Гольдштейна (которая на самом деле написана самой Партией); цель партии – остановить прогресс и заморозить историю в выбранный момент. Конечные горизонты энтропии мышления проявляются в задачах новояза. Сайма хвастается, что цель новояза состоит в том, чтобы сузить кругозор граждан, вследствие чего мыслепреступление станет буквально невозможным, поскольку не будет слов, чтобы выразить данное правонарушение (Оруэлл, 2022. С. 55). Речь идет уже не просто об усилении догмы, но и об устранении всякого познания. Дж. Оруэлл неузнаваемо трансформирует парадигму Г. Уэллса, направляет ее действенность в сферу социальной языковой политики.

В антиутопической реальности романа невозможным оказывается альтернативные сценарии мышления, способность вынужденного двоемыслия приравнять истину («Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре» (Оруэлл, 2022. С. 85)) диагностируется как безумие, состояние, когда индивид отказывается практиковать акт подчинения, который является ценой здравого мышления. Двоемыслие – это способность одновременно держаться двух противоположных убеждений; это также способность члена партии знать, в каком направлении должны быть изменены его воспоминания (Оруэлл, 2022. С. 221). Изменение памяти делает невозможным осознание истории. Отказ – или неспособность – изменить свои воспоминания является мыслепреступлением, которое в конечном счете карается смертью. Непосредственным следствием исторического сознания является отчаяние от того, что оно владеет памятью.

Одиночество – это последнее прибежище. В авторском воображаемом антиутопическом мире осознание прошлого – следовательно, исторической преемственности – неизбежно оказывается «частным» восприятием времени, которое должно быть скрыто от представителей социума. Уинстон полагает: *«Нет ничего твоего, кроме нескольких кубических сантиметров в черепе»* (Оруэлл, 2022. С. 37). Окончательная победа партии – вторжение в эти последние кубические сантиметры. Однако Уинстону позволяет оставаться наедине со своей памятью. Его бунт глубоко связан с личным восприятием времени. Как и в случае с Д-503, двумя основными направлениями его бунтарства являются писательство и сексуальность. Когда он начинает писать дневник, свободное течение мыслей приводит его к тому, что он заполняет страницу фразой *«Долой Старшего Брата!»* (Оруэлл, 2022. С. 25).

Писательская деятельность персонажа также дает возможность конкретизировать свои воспоминания, чего партия допустить не может. Наконец, память занимает центральное место в его отношениях с Джулией, отчасти являющиеся убежищем в прошлое – историю, хранящуюся в квартире мистера Чаррингтона, и остатки природы в уединенной роще. Эти отношения также являются формой близости, позволяющей делиться воспоминаниями.

Хронотоп Лондона, отрицающий частную жизнь, во многом напоминает городское пространство из романа Е. И. Замятина. Ландшафт разрушающихся деревянных и бетонных зданий отражает духовную нищету антиутопического универсума. Противопоставление города и дикой природы, имеющее место в романе Е. И. Замятина, Дж. Оруэлл трансформирует в размытый сон: «Золотая страна», в которой Уинстон и Джулия впервые занимаются любовью, таит в себе угрозу скрытых микрофонов (Оруэлл, 2022. С. 127). Читательское внимание фокусируется на внутреннем бунте героя, который представляет собой историческое сознание, скрытое внутри члена партии-рenegата. Единственный потенциал для революционной темпоральности заключен в субхронотопе, районе пролов, свободном от строгого регулирования большого Лондона. Уинстон сравнивает его обитателей с животными, «скотом на равнинах Аргентины» (Оруэлл, 2022. С. 129).

В отличие от творческой концептуализации Е. И. Замятина образы животных у Дж. Оруэлла символизируют диаметрально противоположную семантику, обозначая глупость и раболепие, а не телесную энергию. Пролы сохраняют связь с прошлым, но их возможному перезапуску истории препятствует порочный круг: *«Они никогда не взбунтуются, пока не станут сознательными, а сознательными не станут, пока не взбунтуются»* (Оруэлл, 2022. С. 78). Как и в воображаемой реальности «Нового дивного мира» О. Хаксли, партия успешно сдерживает потенциал восстания.

Квартира над магазином мистера Чаррингтона аналогична Древнему Дому из романа «Мы»: это точка входа главного героя в «деструктивный»

субхронотоп, пространственный фокус «личного» бунта Уинстона, который использует верхнюю квартиру для интимных отношений с Джулией и чтения книги Гольдштейна. Однако этот переходный момент оказывается партийной ловушкой точно так же, как весь лондонский хронотоп является инструментом партийного правления. Партия заменяет массовое безумие военной истерии и двухминутную ненависть коллективным историческим сознанием и заменяет циклическое время темным циклом кафе «Под каштаном», которое отведено для мыслепреступников, приговоренных к казни. В конце романа настает очередь Уинстона сидеть в кафе и плакать, как это делали его предшественники. Партия заменяет погружение в индивидуальное сознание на определенный период времени, но никогда не упускает случая наказать его смертью. Хронотопическим напоминанием об этом постулате является доминирование «пирамидальных» зданий четырех министерств над «мрачным ландшафтом» Лондона (Оруэлл, 2022. С. 9).

Заключение

В заключение сделаем выводы о реконструкции антиутопической парадигмы Г. Уэллса на материале романов Е. И. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла. В каждом из этих художественных текстов прослеживаются формы политической организации, которые «энтропийно» ограничивают восприятие исторического времени отдельными персонажами. Данные ограничения осуществляются за счет того, что восприятие персонажей «поглощается» темпоральностью тоталитарного государства, впоследствии фрагментирующей на «частное» время. Сознание главного героя наполняется отступническими мыслями, он проявляет недопустимые поведенческие реакции, что в итоге потенциально приводит к релевантному восприятию исторических причинно-следственных связей и отношений преемственности, допускающих возможность революционных перемен. В парадигматике текста антиутопии данный потенциал реализуется не сразу: разрушение незыблемого порядка либо делается невозможным (О. Хаксли, Дж. Оруэлл), либо откладывается до будущей борьбы (Е. И. Замятин).

Общая структура романа-антиутопии приобретает следующую последовательность: индивид (главный герой или несколько персонажей, взятых по отдельности) борется за утверждение принципа энергии посредством отступнических мыслей или недопустимого поведения против доминирующего энтропийного политического порядка. Этот порядок может ложно объявлять себя утопическим (Е. И. Замятин, О. Хаксли) или ликовать по поводу своей аморальности (Дж. Оруэлл). В конечном счете индивид разочаровывается, или даже получает увечья, или ликвидируется энтропийным порядком. Как и в случае с парадигмой Г. Уэллса, конечной точкой оказывается небытие, граничащее с подчинением политической системе. Функция антиутопии как

политической фантастики требует, чтобы она приняла форму социальной «анатомии», критического комментирования воображаемого тоталитарного порядка. Самая суровая социальная «анатомия» прослеживается в романе Е. И. Замятина «Мы».

Хронотоп антиутопического города конкретизирует тоталитарный, энтропийный порядок времени. Предельным форматом выражения подобного хронотопа выступает стеклянный город, который является символом самой энтропии: «кристаллизации жизни» (Е. И. Замятин). Стеклянный город выполняет функцию метонимии цивилизации, а поэтому он многомерно воспроизводит энтропию. Антиутопический политический порядок проявляет себя в энтропийном городском пространстве, представляет собой либо ловушку, не допускающую революционных преобразований и действий, либо разлагающуюся среду, которая делает такие действия бесполезными.

Революционная темпоральность находится либо за пределами города, в контр-хронотопе, таком как «дикая природа» (Е. И. Замятин), либо в подрывном субхронотопе, таком как городские трущобы (О. Хаксли, Дж. Оруэлл). М. М. Бахтин фактически характеризует трущобы как «социальную экзотику», термин, который подчеркивает ассоциацию низших классов во многих художественных произведениях с «чуждым» пространством. Однако трущобы все еще остаются в пределах города, символизируют «терпимое» отклонение, которое сдерживается государством (ср. трущобный район в романе Дж. Оруэлла, «экзотические» острова на окраинах империи в романе О. Хаксли).

Список источников

Абраменко Е. В. Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута / Е. В. Абраменко, Т. В. Евсюкова. – Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2022. – 155 с. – ISBN 978-5-6049038-1-0. – EDN NHAУРС.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – Москва: Художественная литература, 1986. – С. 121–290. – EDN VLGOGQ.

Долгих А. Ю. Утопия и антиутопия: научная фантастика и действительность / А. Ю. Долгих. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2017. – 176 с. – ISBN 978-5-9909546-5-6. – EDN YSFDLD.

References

Abramenko E. V., Evsyukova T. V. Categories of metatext and time as a pragmatic way of meaning formation in the science fiction narrative of Kurt Vonnegut. *Rostov-na-Donu: Individual'nyj predprinimatel' Bespamyatnov Sergej Vladimirovich = Rostov-on-Don: Individual entrepreneur Sergey Vladimirovich Bespamyatnov*; 2022. 155 p. ISBN 978-5-6049038-1-0. (In Russ.).

Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. *Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow: Hudozhestvennaya literatura = Literary and critical articles. Moscow: Fiction*. 1986: 121-290. (In Russ.).

Dolgikh A. Yu. Utopia and dystopia: science fiction and reality. *Kirov: ООО "Izdatel'stvo "Raduga-PRESS" = Kirov: LLC "Raduga-PRESS Publishing House"*; 2017. 176 p. ISBN 978-5-9909546-5-6. (In Russ.).

Замятин Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – Новосибирск: Сибирское унив. изд-во, 2009. – 158 с. – (Классика). ISBN 978-5-379-01284-7.

Замятин Е. И. О литературе, революции, энтропии и других вопросах / Е. И. Замятин // Техника художественной прозы. Лекции. – Москва: АСТ, 2023. – С. 204–215.

Лондон Дж. Железная пятая / Дж. Лондон. – Москва: Азбука, 2018. – 352 с.

Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва: АСТ, 2003. – 331 с.

Моретти Ф. Буржуа: между историей и литературой / Ф. Моретти. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2014. – 264 с.

Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – Москва: АСТ, 2022. – 288 с.

Самылов О. В. Идея историзма в русской антиутопии / О. В. Самылов // Вестник христианской гуманитарной академии. – 2012. – Т. 13. – № 2. – С. 154–164.

Таганов А. Н. Утопия, антиутопия и метафизическое мышление / А. Н. Таганов, С. Г. Шишкина // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 6, № 1. – С. 62–66. – EDN TMGQQF.

Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский; Челябинская государственная академия культуры и искусств. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2009. – 312 с. – ISBN 978-5-94839-150-2. – EDN QIRHKL.

Уэллс Г. Машина времени / Г. Уэллс. – Москва: Эксмо, 2018а. – 448 с.

Уэллс Г. Когда спящий проснется / Г. Уэллс. – Москва: Эксмо, 2018б. – 352 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – Москва: АСТ, 2015. – 576 с.

Хаксли О. О дивный новый мир / О. Хаксли. – Москва: АСТ, 2023. – 352 с.

Черепанова Р. С. Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения / Р. С. Черепанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 1999. – № 1(9). – С. 96–108. – EDN WKNQTV.

Zamyatin E. I. We. *Novosibirsk: Sibirskoe univ. izd-vo = Novosibirsk: Siberian Univ. publishing house*; 2009. 158 p. (Classics). ISBN 978-5-379-01284-7. (In Russ.).

Zamyatin E. I. About literature, revolution, entropy and other issues. *Tekhnika hudozhestvennoj prozy. Lekcii. Moskva: AST. = Technique of fiction prose. Lectures. Moscow: AST. 2023: 204-215.* (In Russ.).

London J. Iron heel. *Moscow: ABC*; 2018. 352 p. (In Russ.).

Marcuse G. One-dimensional man. *Moscow: AST*; 2003. 331 p. (In Russ.).

Moretti F. Bourgeois: between history and literature. *Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gajdara = Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute*; 2014. 264 p. (In Russ.).

Orwell J. 1984. *Moscow: AST*; 2022. 288 p. (In Russ.).

Samylov O. V. The idea of historicism in Russian dystopia. *Vestnik hristianskoj gumanitarnoj akademii = Bulletin of the Christian Humanitarian Academy*. 2012; 13 (2): 154-164. (In Russ.).

Taganov A. N., Shishkina S. G. Utopia, dystopia and metaphysical thinking. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya: Gumanitarnye nauki = News of higher educational institutions. Series: Humanities*. 2015; 6 (1): 62-66. (In Russ.).

Tuzovskij I. D. Bright tomorrow? Dystopia of futurology and futurology of dystopias; *Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv. – Chelyabinsk: Chelyabinskij gosudarstvennyj institut kul'tury = Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture*; 2009. 312 p. ISBN 978-5-94839-150-2. (In Russ.).

Wells G. The time Machine. *Moscow: Eksmo*; 2018 (a). 448 p. (In Russ.).

Wells G. When the sleeper wakes up. *Moscow: Eksmo*; 2018 (b). 352 p. (In Russ.).

Fukuyama F. The end of history and the last man. *Moscow: AST*; 2015. 576 p. (In Russ.).

Huxley O. About the brave new world. *Moscow: AST*; 2023. 352 p. (In Russ.).

Cherepanova R. S. Utopia and dystopia: typology and relationships. *Vestnik*

Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра / С. Г. Шишкина // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. – 2007. – № 2. – С. 199–208. – EDN OHLXGX.

Seeger S. Dystopian literature and the sociological imagination / S. Seeger, D. Davison-Vecchione // Thesis Eleven. – 2019. – № 150 (1). – P. 45–63. – DOI: 10.1177/0725513619888664.

Levitas R. The concept of utopia / R. Levitas. – Oxford: Peter Lang, 2011. – 264 p.

Mill Wright C. The sociological imagination / C. Mill Wright. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 254 p.

Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University. 1999; 1(9): 96-108. (In Russ.).

Shishkina S. G. Literary dystopia: on the question of the boundaries of the genre. Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo himiko-tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State University of Chemical Technology. 2007; 2: 199-208. (In Russ.).

Seeger S., Davison-Vecchione D. Dystopian literature and the sociological imagination. Thesis Eleven. 2019; 150 (1): 45–63. DOI: 10.1177/0725513619888664.

Levitas R. The concept of utopia. Oxford: Peter Lang; 2011. 264 p.

Mill Wright C. The sociological imagination. Oxford: Oxford University Press; 1999. 254 p.

Для цитирования: Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Соболева Ю. С. Хронотоп антиутопического города: энтропия мысли, социальной активности и исторического времени // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 5 (63). – С. 70–86.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.5.5
EDN CSVJFX

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.09.2023.

Одобрена после рецензирования – 02.10.2023.

Принята к публикации – 06.10.2023.

Сведения об авторах

Ковтуненко Инна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор
Южного федерального университета
AuthorID РИНЦ: 671852
iv.kovtunenکو@yandex.ru

Кудряшов Игорь Александрович

Доктор филологических наук, профессор
Южного федерального университета
AuthorID РИНЦ: 186103
igalk@mail.ru

Соболева Юлия Сергеевна

Директор Муниципального автономного
учреждения культуры Ростовский-на-Дону
зоопарк
yuliyagorod@yandex.ru

Information about authors

Inna V. Kovtunenکو

Doctor of Philological Sciences, Professor
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57202188059
iv.kovtunenکو@yandex.ru

Igor A. Kudryashov

Doctor of Philological Sciences, Professor
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57214118052
igalk@mail.ru

Yuliya S. Soboleva

Director of municipal autonomous cultural
institution Rostov-on-Don Zoo
yuliyagorod@yandex.ru

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.